

УДК 005/ 303.01:442.42

Ярослав Юрьевич Старцев
кандидат политических наук, доцент,
научный сотрудник
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: y.startsev@gmail.com

60 ТЕЗИСОВ О ЯЗЫКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ¹

Статья представляет собой попытку определить перечень оснований для формирования языка (языков) политической науки, отвечающего стандартным требованиям к искусственным языкам, с учетом специфики политологических дисциплин. Предлагается решить проблему изолированных парадигмальных диалектов, связанных с отдельными предметами исследования и не взаимодействующих друг с другом, с помощью межпарадигмального перевода, поиска функциональных эквивалентов, метафоризации и интеграции предметными областями терминологии и языковых структур, свойственных другим областям. Критика современного языка политологии сопровождается анализом понятия власти как источника для формирования универсальных политологических грамматических категорий. Описание властных отношений осуществляется через понятия объекта, субъекта и процедуры, для которых характерны различные, как правило альтернативные, сценарии поведения, формирующие более или менее гармоничные сочетания. Сами сценарии анализируются через понятия поведенческого алгоритма и логики политического поведения. Система таких категорий, предложенная в статье, может быть использована как инструментарий описания и интерпретации любой властной конфигурации, сохраняя возможность трансляции изучаемой проблематики в разные парадигмы.

Ключевые слова: язык политической науки, власть, методология политического исследования.

15 тезисов о семантике политологии

1. Качество любой науки определяется тем, разработан ли в ней единый язык описания и интерпретации изучаемых явлений. Без такого языка любая сфера знания представляет собой просто совокупность суждений разной степени аргументированности, связанных общим объектом и транслирующим эти суждения профессиональным сообществом.

2. Любой искусственный язык, к которому относится и язык науки, определяется его семантикой, прагматикой и синтактикой: значением терминов, их субъектными характеристиками и правилами их взаимодействия².

¹ Статья подготовлена при поддержке проекта фундаментальных исследований Института философии и права УрО РАН № 12-П-6-1007 «Общественные науки и модернизационные вызовы XXI века», выполняемого в рамках программы Президиума РАН «Экономика и социология знания и образования».

² В данном случае мы используем подход к структурированию знаковых систем, предложенный Ч. Моррисом [4].

3. В политической науке на сегодняшний день отсутствует единый профессиональный язык: нормативная структура описаний и исследований, используемый понятийный аппарат распределены по множеству конкурирующих парадигм и часто несовместимы друг с другом¹. Языки описания и интерпретации преимущественно привязаны к конкретным предметам исследования.

4. Поскольку наука интересуется устойчивым и типичным, основная задача языка любой науки, наряду с собственно коммуникативной, подготовка предмета исследования к математическим методам интерпретации. Вне таких методов современная наука не существует.

5. Построение количественных и качественных математических моделей выдвигает два требования к языку науки: а) однозначная идентификация изучаемых явлений, то есть соблюдение закона тождества; б) однозначные связи между явлениями, то есть соблюдение закона исключенного третьего (с возможными коррективами, вносимыми нечеткими логиками).

6. В современной политической науке не существует системы понятий, позволяющих использовать однозначную идентификацию изучаемых явлений: консенсус вокруг некоторых терминов не делает их более операциональными при изучении конкретных явлений (это касается таких терминов, как «государство», «партии», «парламент», «нации» и пр.).

6.1. Физик может сказать, что объект его исследования – совокупность тел (частиц, волн, квантов) и сил, биолог может характеризовать свой объект как организмы, совокупность клеток или генов, лингвист может говорить о фонемах и грамматических категориях и пр. Споры по поводу границ этих понятий не отменяют того, что данная терминология позволяет содержательно охарактеризовать любое относящееся к предметной сфере явление или их большую часть.

6.2. В политической науке, при обилии концептуализаций, отсутствует этот набор элементарных, базовых понятий, который позволил бы идентифицировать наблюдаемые явления. Более общие категории расплывчаты: невозможно дать осмысленное определение «партии», которое охватывало бы все явления, называемые в исследовательской литературе партиями, и ни одного, которое не именуется партией².

7. Доминирующий в современной политологии парадигмальный диалект – теория рационального выбора. Он позаимствован у экономистов

¹ Эта ситуация становится достаточно очевидной при анализе любых компендиумов по политической науке, от учебников до обобщающих монографий в жанре state of the art, где содержание разделов излагается на основе разных языков описания, а значение ключевых слов определяется не терминологически, а контекстуально. Сами исследователи осознают эту проблему, говоря о множестве несводимых друг к другу пониманий одного и того же термина [ср., например: 6].

² Зачастую это приводит исследователей к необходимости исключать из предмета анализа явления, формально попадающие в ту же категорию [ср., например, в отношении политических партий 9].

и претендует на роль универсального языка всех социальных наук или даже всех наук о живом (ср. эволюционную теорию игр [14]).

8. Основное преимущество теории рационального выбора как языка науки – формирование однозначного базового понятия, на котором строится категориальный аппарат исследования: понятие выбора. Акт выбора становится при этом первоначальным предметом анализа, а масштабы изучаемых явлений варьируются от индивидуального выбора до институционального или цивилизационного [12].

8.1. Кроме того, в соответствии с известным афоризмом, статус доминирующего языка обеспечивается тем, что за теорией рационального выбора стоят сильнейшие в мире армия и флот, наряду с экономическими и информационными ресурсами.

9. Моделирование, в рамках теории рационального выбора, сложных ситуаций сталкивается с серьезными методологическими ограничениями: за рамками банальных учебных моделей усиливается неоднозначность понимания как субъектности осуществляемого выбора (кто является субъектом цивилизационного выбора), так и степени и характера его рациональности. Данный язык описания и интерпретации социальных явлений сталкивается с отсутствием обоснованных категорий среднего уровня.

10. Категориальный аппарат среднего уровня заимствуется у институционального языка описания политики, в рамках возрождения институциональных исследований и формируется в других парадигмах (теория практик, парадигма политического рынка, теория дискурса и пр.). Ряд категорий среднего уровня традиционно использует большинство политологических парадигм (легитимность, элиты, группы и пр.).

11. В настоящее время в языке политической науки отсутствуют универсальные грамматические правила, которые позволили бы связывать базовые понятия (индивид, выбор, действие) и категории среднего уровня; отдельные попытки предпринимаются только в рамках некоторых школ неонституциональных исследований [см., например, 5].

12. Фундаментальное для политической науки понятие власти в большинстве случаев используется метафорически: обилие интерпретаций не находит отражения в прикладных исследованиях, где господствует вульгарное понимание власти как субъекта или атрибута.

13. Формирование общего языка политической науки зависит от решения следующих проблем:

– создание механизмов сопряжения базовых понятий (преимущественно связанных с анализом выбора) и возникающих в рамках других способов описания реальности категорий среднего уровня¹;

– создание мета-уровня политологического языка – роль, на которую претендовала имеющая все шансы на возрождение общая теория систем;

– прагматическая связь основных категорий политологического языка с базовым понятием власти, то есть создание функционального дисци-

¹ Один из таких механизмов – предложенное Н. Луманом понимание власти как ограничения возможных селекций [ср. 2].

плинарного языка, отличного от способов изъяснения, общих для всех социальных наук.

15. Потребность в общем языке политологии не означает, что этот язык должен быть единым. По аналогии с другими искусственными языками (разные парадигмы и языки описания в естественных науках, языки программирования, разные виды логик), различные способы идентификации и интерпретации политических явлений могут соединяться не через слияние, а через взаимодополнение. Сегодня они либо конкурируют, либо развиваются изолированно друг от друга.

16. Язык политической науки не только описывает и интерпретирует, но и конструирует реальность. Точность, связность и универсальность этого процесса определяет жизнеспособность результата.

10 тезисов о межпредметности и о прагматике политологического языка

1. Междисциплинарные исследования традиционно рассматриваются как основной способ комплексного и реалистичного, тем более прагматического исследования, постепенно превращаясь из моды в норму.

2. В большинстве современных научных дисциплин, включая политологию, внутренняя дифференциация направлений исследований настолько велика, что когнитивная дистанция между некоторыми направлениями в рамках одной дисциплины может быть не меньшей, чем между разными дисциплинами.

3. Наиболее отличные друг от друга внутринаучные направления формируются либо вокруг разных объектов исследования, либо в рамках разных дисциплинарных парадигм. И в том, и в другом случае речь идет об обособленном изучении разных предметов исследования – либо изолированных друг от друга, либо несовместимых.

4. Независимо от способа формирования («от объекта» или «от парадигмы»), исследования обособленных предметов науки накапливают собственные методологии, понятийный аппарат и исследовательскую повестку.

5. Междисциплинарные и межпредметные связи в политическом исследовании могут формироваться через следующие языковые процедуры:

- межпарадигмальный (междисциплинарный) перевод;
- метафорический перенос;
- поиск функциональных эквивалентов;
- односторонняя интеграция;
- синтез.

6. Межпарадигмальный (междисциплинарный) перевод представляет собой изложение тезисов одной парадигмы (дисциплины) на языке другой парадигмы (дисциплины)¹.

¹ Метод достаточно часто используется при сопоставлении работ двух авторов («Вебер глазами Фуко»), или при поиске аналогий в разных концепциях («уход» у Хиршмана и «бегство» у Мертоня).

7. Метафорический перенос представляет собой использование терминов одного дисциплинарного (парадигмального) языка для обозначения явлений, изучаемых в рамках другой дисциплины (парадигмы)¹.

8. Функциональные эквиваленты представляют собой понятия или тезисы, выполняющие сопоставимые функции в рамках разного дисциплинарного (парадигмального) языка².

9. Односторонняя интеграция представляет собой включение одной дисциплиной (парадигмой) терминологии и грамматических оборотов другой дисциплины (парадигмы) в свой язык, с сохранением их значения и связей между ними³.

10. Синтез разных дисциплинарных (парадигмальных) языков представляет собой их объединение на новых основаниях.

12 тезисов о власти

1. Власть касается людей, безлюдных властных отношений не бывает.

2. Власть не субстанциональна, она реляционна. Следовательно, имеет смысл говорить не о свойствах власти самой по себе, а о разных властных ситуациях, конструирующих и воспроизводящих соответствующие отношения [1].

3. Люди задействованы во властных ситуациях в разных ролях (или выполняя разные функции во властном взаимодействии, или обладая разным объемом властных ресурсов и т.п.). Количество этих ролей (функций, ресурсных долей, поведенческих моделей и пр.) конечно, счетно и сравнительно невелико.

4. Основные роли сводятся к следующим:

– «обладания властью»: человек или группа воспринимаются как субъект власти, в этом случае имеет смысл говорить о властной роли *stricto sensu*;

– «инструмента власти»: человек или группа воспринимаются как агент власти, в этом случае имеет смысл говорить о про-властной роли;

– «объекта приложения власти»: человек или группа воспринимаются как объект, в этом случае имеет смысл говорить о под-властной роли;

¹ Метафорическое использование сторонних терминов может варьироваться между риторическими фигурами («большая игра»), парадигмальной метафорой («политический рынок») и терминологизацией метафоры – фактически интеграцией термина («политическое поле»).

² Поиск функциональных эквивалентов представляется осмысленным лишь для парадигмальных языков, связанных общим объектом. Например, теория суверенитета определяет государственную власть через набор правовых атрибутов, а политическая социология – через фактическую монополию на организованное насилие. В рамках двух субдисциплин эти характеристики функционально эквивалентны; междисциплинарный диалог может строиться на выявлении того, какую роль правовые атрибуты играют в монополии на насилие и каким образом такая монополия получает правовое закрепление и международное признание.

³ Ср., например: Включение в анализ политического дискурса лингвистической терминологии.

– «источника власти»: человек или группа воспринимаются как субъект, порождающий власть, здесь можно говорить о над-властной роли;

– «спутника власти»: человек или группа воспринимаются как атрибут власти, в этом случае можно говорить о при-властной роли.

5. Некоторые роли в конкретных властных ситуациях могут совмещаться, однако никогда не происходит слияния всех ролей, в противном случае властная ситуация исчезает.

6. Во многих властных ситуациях какие-то роли могут быть десубъективированы (власть идей или институтов, статистическая группа или социальный процесс как объект воздействия), но эта десубъективация никогда не бывает тотальной, другие роли осуществляются конкретными людьми или группами.

7. Каждая роль подразумевает набор типичных практик, в некоторых случаях трансформирующихся в соответствующие социальные и политические институты.

8. Каждый ролевой набор практик неоднороден и включает в себя несколько альтернативных сценариев поведения опирающихся на специфические установки.

9. В конкретных властных ситуациях ролевые сценарии могут гармонизировать или дисгармонизировать (быть функциональными либо дисфункциональными).

10. Каждая властная ситуация, будь она кратковременной или растянутой на века, стремится к гармонизации составляющих ее поведенческих сценариев, то есть к гомеостазу.

11. Основанием для идентификации гармоничного (гомеостатического) положения, «точкой сборки», является уже существующее в данной ситуации (системе) гармоничное сочетание (сочетания) ролевых сценариев.

12. Характер и масштабы властной ситуации, ее повестка, определяются участниками в процессе выполнения своих ролей (функций) и также могут быть предметом гармонизации/дисгармонизации.

7 тезисов о бинарных оппозициях

1. Традиционно описание властных отношений и конфигураций основано на бинарных оппозициях; этот подход препятствует созданию универсальной номенклатуры властных отношений, которая могла бы способствовать однозначности терминов и формализации языка политической науки.

2. Значительная часть бинарных оппозиций логически неполноценна, поскольку основана на выборе между наличием и отсутствием какого-либо признака А, не уточняя, какой признак наличествует при отсутствии А (дихотомии «демократический/недемократический», «формальный/неформальный», «прямой/косвенный», «централизованный/децентрализованный», «центр/периферия» и пр.).

3. Отрицание какого-либо свойства может выступать в роли дополнительной характеристики явления, но не может служить осмысленным

основанием для его определения и идентификации. Словотворческие уловки позволяют избегать отрицания в терминах, но не в их определениях (термин «периферия» не содержит грамматического отрицания, но любая попытка определения сводится к определению периферии через отрицание, как «не-центра»).

4. Последовательные цепочки бинарных оппозиций оставляют за пределами содержательного анализа большую часть наблюдаемых политических явлений.

5. Понятийный аппарат, выходящий за рамки последовательных бинарных оппозиций, применяется, как правило, к частным предметам политической науки или к уникальным конфигурациям и не распространяется на описание других явлений, то есть не становится универсальным.

6. Базовые категории известных и успешно используемых искусственных языков формируются индуктивным путем и не строятся на бинарных оппозициях (функция, значение, комментарий и пр. – в языках программирования; грамматические категории – в лингвистике; понятие организма и базовые таксономические единицы – в биологии; высказывания, операции, свойства – в математической логике и пр.). Количество таких категорий невелико, счетно и как правило конечно для большинства искусственных языков.

7. Таким образом, большинство искусственных языков разделяют индуктивно сформированные базовые категории и формируемые на основе правил формальной логики, прежде всего – бинарные оппозиции, суждения об описываемых ими явлениях. Язык политической науки тяготеет к тому, что бинарными являются не только суждения, но и сами исходные категории.

10 тезисов о семантике власти

1. Власть представляет собой отношение: данный подход позволяет в значительной степени объединить стремящиеся к субстанционализации власти, «диспозиционные» концепции и бихевиоралистски ориентированные «эпизодические» концепции.

2. Любое властное отношение, то есть отношение между (социальным) субъектом и (социальным) объектом, структурируется на основе ограниченного набора формальных характеристик а) властного субъекта, б) объекта властного воздействия, в) самого связывающего их отношения.

3. Формальность характеристик означает, что они присутствуют в любом властном взаимодействии независимо от его содержания и контекста, независимо от уникальных свойств субъекта и объекта, а также социального и временного масштаба данного отношения.

4. Минимальным набором формальных характеристик властного субъекта можно считать:

– способ получения власти, рассматриваемой в данном отношении, со следующими сценариями: а) захват власти, б) получение власти явочным порядком, в) инвеститура (наделение полномочиями, присвоение статуса и пр.);

– характер властных распоряжений, со следующими сценариями:
а) целеориентированные распоряжения, б) проблемоцентрированные распоряжения, в) инструктивные (процедуроориентированные) распоряжения;

– включенность во властные конфликты, участники которых мыслятся как принципиально равные данному субъекту в рамках анализируемого отношения, со следующими сценариями: а) заговор, б) мобилизация, в) вытеснение;

– включенность во властную координацию с субъектами, воспринимаемыми как принципиально равные в рамках данного отношения, со следующими сценариями: а) сотрудничество, б) слияние (объединение), в) поддержание баланса сил (раздел сфер влияния и пр.).

5. Минимальным набором формальных характеристик объекта властного воздействия можно считать:

– выбор одной из стратегий реагирования на властное воздействие: уход (exit), протест (voice), лояльность (loyalty)¹;

– в случае выбора стратегии ухода, реализация одного из следующих сценариев: а) физический уход (эмиграция, отшельничество), б) «внутренняя эмиграция» (политический эскапизм), в) саморазрушение;

– в случае выбора стратегии протеста, возможны следующие сценарии: а) активизм (действия, направленные на корректировку самим объектом осуществляемой по отношению к нему власти), б) саботаж властного воздействия, в) петиционизм (обращение за корректировкой к властному субъекту);

– в случае выбора стратегии лояльности, объект властного воздействия включается в исполнение властных распоряжений с возможными сценариями: а) дословности, б) рвения, в) инструментализации²; в воспроизводство осуществляемой над ним власти (с возможными сценариями: а) самопродажи или вверения себя, б) выборов или иной формы коллективного создания/подтверждения власти, в) запроса санкций или экспертных суждений)³; в процессы взаимодействия с равными себе подвластными с возможными сценариями: а) корпоративизации, б) массовизации, в) обособления.

6. Минимальным набором формальных характеристик самого властного воздействия можно считать:

– степень оформленности воздействия, с возможными сценариями: а) официального оформления, б) неформального существования, в) бытования в виде tacit knowledge;

– степень опосредованности воздействия, с возможными сценариями: а) непосредственного воздействия, б) опосредованного воздействия (через

¹ Терминология, предложенная А. Хиршманом, сопоставима с категориями конформности, бегства и бунта у Мертона [ср. 3; 8; 11].

² Категории, сопоставимые с понятиями конформности, инновации и ритуализации у Мертона, если переводить их на язык социальной теории; в нашем случае, это поведение рассматривается безотносительно его девиантности или нормативности [ср. 3].

³ Здесь оправдана аналогия с различными классификациями типов легитимности власти как по Веберу, так и по Саймону и пр. [ср. 7; 13].

иерархию, либо другие властные инстанции), в) десубъективированного воздействия («системного принуждения», «структурной детерминации»);

– степень институционализированности воздействия, с возможными вариантами: а) уникальности, единичности данного воздействия, б) его существования в виде устойчивой практики, в) институционализированности.

7. В зависимости от цели и парадигмы исследователя различные сценарии могут рассматриваться либо как альтернативные, либо как присутствующие в любом властном взаимодействии в разных долях и в разных отношениях. Соответственно, предметом рассмотрения оказываются либо идеальные типы, либо относительный вес того или иного параметра.

8. Гипотеза альтернативных сценариев и гипотеза сочетающихся сценариев позволяют выстроить счетное количество сочетаний.

9. Допустимо предположить, что сочетание непротиворечивых сценариев поведения властного субъекта, объекта и характеристик связывающих их отношений будет формировать устойчивые властные конфигурации, стремящиеся к гомеостазу.

10. Допустимо предположить, что сочетание противоречивых сценариев создает разные варианты кризиса власти в рамках данного отношения.

6 тезисов о сценариях политического поведения

1. Сценарий политического поведения предполагает некоторую последовательность типовых действий и логику, в соответствии с которой эти действия осуществляются.

2. Заданная сценарием последовательность типовых действий представляет собой алгоритм, где зависимость последующих действий от предыдущих и варианты возможного выбора определяются предыдущими шагами.

3. Логика поведения, характерная для каждого сценария, представляет собой совокупность правил, на основе которых интерпретируются и выстраиваются действия; она задается характерными для данного сценария установками и ожиданиями.

4. Общая логика объединяет сочетающиеся сценарии, являясь основанием для действий как субъекта, так и объекта властных отношений, а также определяя характеристики самого властного процесса.

5. Сценарность определяет не только собственно политическое поведение, но и политическое мышление: в рамках каждого сценария оно выстраивается по поводу данного отношения в соответствии с характерной для данного сценария логикой.

6. Сценариям, или их возможному сочетанию, соответствует политическая роль индивидуального либо коллективного субъекта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001. 384 с.
2. *Луман Н.* Власть / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М. : Праксис, 2001. 256 с.

3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ : Хранитель, 2006. 880 с.
4. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика : сб. пер. / под ред. Ю.С. Степанова. М. : Радуга, 2002. С. 45-96.
5. Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. М. : Мысль : ИРИСЭН, 2011. 447 с.
6. Политическая наука: новые направления / Ин-т «Открытое общество» ; под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингеманна; науч. ред. рус. изд. Е.Б. Шестопал. М. : Вече, 1999. 816 с.
7. Саймон Г., Смитбург Д., Томпсон В. Менеджмент в организациях. М. : Экономика, 1995. 335 с.
8. Хиришман А.О. Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств : пер. с англ. М. : Фонд Либеральная миссия : Новое изд-во, 2009. 153 с.
9. Golosov G.V. Party system classification: A methodological inquiry // Party Politics. 2011. № 17(5). P. 539–560.
10. Hannan M.T. Rationality and Robustness in Multilevel Systems: A Neofunctionalist Critique // Rational Choice Theory: Advocacy and Critique / ed. by James S. Coleman, Thomas J. Fararo. London : Sage Publications, 1992. P. 120-136.
11. Hirschman A.O. Exit, Voice, and Loyalty Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge (Ma) : Harvard Univ. Press, 1970. 162 p.
12. Lichbach M.I. Is rational choice theory all of social science? Ann Arbor : Univ. of Michigan Press, 2003. 315 p.
13. Weber M. Economy and Society: An outline of interpretive sociology / ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley: Univ. of California Press, 1978. LXIV+1469 p.
14. Weibull J.W. Evolutionary game theory. Cambridge (Ma) : MIT Press, 1996. 265 p.

Материал поступил в редколлегию 12.07.2013 г.

Yaroslav Yu. Startsev, associate researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. E-mail: y.startsev@gmail.com

60 THESES ON LANGUAGE OF POLITICAL SCIENCE

Abstract: The article is an attempt to define the list of reasons for the formation of the language(s) of political science, which meets the standard requirements for artificial languages, taking into account the specificity of political science disciplines. It is proposed to solve the problem of isolated paradigmatic dialects, which are associated with individual objects of research and do not interact with each other, with the help of inter-paradigmatic interpretation, search for functional equivalents, metaphorization and integration of subject areas of terminology and language structures, inherent by other areas. Criticism of the modern language of political science is accompanied by an analysis of the concept of power as a source for the formation of political universal grammatical categories. Description of power relations is made through the concept of object, subject and procedures, which are characterized by different, usually alternative scenarios of behavior, which form more or less harmonious combinations. Scenarios themselves are analyzed through the concept of the behavioral algorithm and logic of political behavior. The system of categories proposed in the article can be used as a tool for description and interpretation of any power configuration, retaining the ability to broadcast the studied issues into different paradigms.

Keywords: methods of political science, theory of science, interpretation methods, theory of political power.

***The transliteration of the list of literature
(from the cirillic to the latin symbols) is submitted below***

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

1. *Ledjaev V.G.* Vlast': konceptual'nyj analiz. M. : Ros. polit. jencik. (ROSSPJeN), 2001. 384 s.
2. *Luman N.* Vlast' / per. s nem. A.Ju. Antonovskogo. M. : Praxis, 2001. 256 s.
3. *Merton R.* Social'naja teorija i social'naja struktura. M. : AST ; Hranitel', 2006. 880 s.
4. *Morris Ch.U.* Osnovanija teorii znakov // Semiotika : sb perevodov / pod red. Ju.S. Stepanova. M. : Raduga, 2002. S. 45-96.
5. *Ostrom Je.* Upravljaja obshhim. Jevoljucija institutov kolektivnoj dejatel'nosti. M. : Mysl' : IRISJeN, 2011. 447 c.
6. Politicheskaja nauka: novye napravlenija / In-t «Otkrytoe obshhestvo» ; pod red. R. Gudina, H.-D. Klingemanna; nauch. red. rus. izd. E.B. Shestopal. M. : Veche, 1999. 816 c.
7. *Sajmon G., Smitburg D., Tompson V.* Menedzhment v organizacijah. M. : Jekonomika, 1995. 335 c.
8. *Hirshman A.O.* Vyhod, golos i vernost': reakcija na upadok firm, organizacij i gosudarstv : per. s angl. M. : Fond Liberal'naja missija : Novoe izd-vo, 2009. 153 s.
9. *Golosov G.V.* Party system classification: A methodological inquiry // Party Politics. 2011. № 17(5). P. 539–560.
10. *Hannan M.T.* Rationality and Robustness in Multilevel Systems: A Neofunctionalist Critique // Rational Choice Theory: Advocacy and Critique / ed. by James S. Coleman, Thomas J. Fararo. London : Sage Publications, 1992. P. 120-136.
11. *Hirschman A.O.* Exit, Voice, and Loyalty Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge (Ma) : Harvard Univ. Press, 1970. 162 p.
12. *Lichbach M.I.* Is rational choice theory all of social science? Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 2003. 315 p.
13. *Weber M.* Economy and Society: An outline of interpretive sociology / ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley: Univ. of California Press, 1978. LXIV+1469 p.
14. *Weibull J.W.* Evolutionary game theory. Cambridge (Ma) : MIT Press, 1996. 265 p.